ISSN 977-2071303007-7
12009

русский пионер

№9(33) декабрь 2012 – январь 2013

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕТЯМ ПОСЛЕ 16-ТИ ЛЕТ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

Клятва главного редактора.

orlova

Мне было не совестно сдать этот номер.

Андрей Колесников

Клятва главного редактора стр. 4

первая четверть

Урок уроков. Ретросовесть. **Сергей Урсуляк** об ампутации совести стр. 14
Урок правды. Лучше бы я туда не ехала. **Софико Шеварднадзе** о встрече с Башаром Асадом и разбомбленном сознании стр. 18
Урок чтения. Ледяная пробка. **Андрей Бильжо** про ледяные пробки стр. 22
Урок этики. Рычи, Кабул! **Екатерина Истомина** про новозеландских хоббитов и русских сауронов стр. 26
Урок информатики. Настоящий со случайными. **Проститутка Кэт** о том, что Интернет — это лучше, чем поезд стр. 30
Урок рисования. Не да Винчи. **Илья Шаньгин** про автопортрет Павла Разгуляева стр. 32

вторая четверть

Пионер-герой. Детектив Pocahontas. Отставной следователь и разведенная жена стр. 38
Следопыт. Моцарт, Сальери и ай да Пушкин, сукин сын. Наш корреспондент выяснил, отравил ли Сальери Моцарта стр. 44

третья четверть

Диктант. Попсовесть. В тему номера *стр. 58*
Урок обществоведения. Группы крови. Совесть корпоративного масштаба *стр. 60*
Дневник наблюдений. Бремя колокольчиков. Корреспондент «РП» под песню Александра Башлачева *стр. 66*
Урок поэзии. Нет совести печальнее на свете, чем совесть, что скрывается в поэте… Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 76*
Сочинение. Огонь и Холод. Рассказ **Натальи Якушиной** *стр. 80*
Комикс. **Андрей Бильжо.** Совесть не спит! *стр. 89*

четвертая четверть

Урок мужества. На букву «Д». Обозреватель «РП» болеет *стр. 94*
Урок географии. Три косячка и кексик. Фотодиректор «РП» ищет угол зрения *стр. 98*
Рассказ продолжается. **Афанасий Мамедов.** Когда огонь держит воду *стр. 104*
Фотоувеличитель. Котэ и Кисо *стр. 111*

группа продленного дня

Правофланговый. Совестеграмма. **Марк Гарбер** про невозможность снять совестеграмму *стр. 128*
Отличник. Только и всего. **Андрей Макаревич** о том, что все очень просто *стр. 130*
Пионервожатый. Бессовестное. **Виктор Ерофеев** про вчерашние надежды и женскую честь *стр. 132*
Знаменосец. Йом Кипур. **Бени Брискин** про то, зачем нужен Судный день *стр. 136*
Звеньевой. Тимур и его команда. **Тигран Кеосаян** про одного штымпа и Мать Терезу *стр. 138*
Звеньевая. Как не надо. **Анна Николаева** про совесть прозрачного цвета *стр. 140*
Горнист. Невезучая. **Вита Буйвид** про недосягаемость «Сэнди» *стр. 142*

Внеклассное чтение. Молодые польские женщины на фоне старой войны.
Отрывок из романа **Владимира Чурова** *стр. 146*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 159*

Всегда готов!

Первая четверть.

Урок уроков. Ретросовесть. **Сергей Урсуляк** об ампутации совести. *Урок правды.* Лучше бы я туда не ехала. **Софико Шеварднадзе** о встрече с Башаром Асадом и разбомбленном сознании. *Урок чтения.* Ледяная пробка. **Андрей Бильжо** про ледяные пробки. *Урок этики.* Рычи, Кабул! **Екатерина Истомина** про новозеландских хоббитов и русских сауронов. *Урок информатики.* Настоящий со случайными. **Проститутка Кэт** о том, что Интернет — это лучше, чем поезд. *Урок рисования.* Не да Винчи. **Илья Шаньгин** про автопортрет Павла Разгуляева.

orlova

Ретросовесть

текст: сергей урсуляк рисунок: маша сумнина

Режиссер «Ликвидации» и «Жизни и судьбы» Сергей Урсуляк рассказывает о таких удивительных движениях своей души и совести, что не было никаких сомнений: читатели нового номера «РП» в самом его начале должны прочитать именно его колонку. Из одной только этой колонки можно понять, какая же страшная мука эта совесть. И муза тоже.

ПОСЛЕДНИЕ пару месяцев я только и делаю, что говорю и говорю без остановки. Мне уже казалось, что я высказался на все темы, но я ошибался. На тему совести мне еще никто не предлагал порассуждать. Совесть — величина постоянная, но ее можно искусственно уменьшать за счет возможности договориться с собой. Это, пожалуй, самая страшная проблема совести. Человек может за ее спиной сам с собой договориться и уменьшить ее количество — иными словами, уболтать. Но размер ее в организме остается постоянным — в этом я абсолютно уверен. Совесть присуща любому существу. У меня, например, очень совестливая собака. Она, когда ворует еду со стола, очень стыдится и боится смотреть в глаза. Не потому, что за это будет наказание, а потому, что в ней есть чувство совести, в ней есть душа. Это очень связанные вещи. У собаки есть душа, а у души есть совесть. Это какая-то функция, железа, которую мы не можем ощутить в себе, потрогать и определить, где она находится, но она существует. Экологией нашей жизни мы можем ее задавить, можно ее, наверно, и вырезать. Проблема сегодняшней жизни в том, что огромное количество людей живут с ампутированной совестью. А поскольку не этот орган дает возможность жить, ты так же ходишь, ешь, даже, может, лучше ешь… Я уверен абсолютно, что в самый неподходящий момент (я это проверял на себе), казалось бы, ты совсем уже потерял совесть, а она в тебе просыпается. А ты оказываешься совершенно не готов к встрече с ней.

Меня часто заедает совесть. Причем в отношениях со всеми — с родителями, детьми, женщинами, родственниками. То ли я так чудовищно живу, но меня совесть мучает очень часто. У меня такая ретросовесть — как фильмы ретро, так и совесть. Вдруг неожиданно вспоминаются какие-то слова или поступки. Это не глобальные вещи — я не писал ни на кого донос. Но я думаю, угрызения совести от написанного доноса и от сказанного грубого слова одинаково мучительны. И не сказать, чтобы у меня в семье сложные взаимоотношения, но тем не менее ты не можешь сказать людям, которые тебе дороги, о том, что они тебе дороги. Огромное количество бессовестных поступков совершено — начиная от невнимания к родным, точнее, поверхностного

ощущения родных, учителей, близких, детей, внуков, которые как-то незаметно появляются, пока я на съемках. Я уж не говорю про обманутых жен. Все это весело, пока ты находишься в этом деле, а потом начинаешь думать, куда тебя с таким багажом пустят. Какое-то время назад я перестал врать.

В какой-то момент я понял, что меня это отягощает, точнее, не меня, а мою совесть. Я не стал абсолютно честным человеком, я просто поменял немножко форму — могу не сказать правды. Но я не буду говорить ложь: в интересах дела или чтобы не обижать человека. С возрастом растут живот и совесть. Вот такая закономерность…

Есть ли абсолютно бессовестные герои? Уверен, что нет. Вот, например, Штехель из «Ликвидации», даже не такой харизматичный, как Чекан из того же фильма. Но он доказывает зрителям, что способен испытывать человеческие чувства. Когда он разговаривает с Академиком о том, тяжело ли ему было убить своего племянника, Штехель отвечает, что уже давно ничего не чувствует. Но я ему тоже даю возможность показать, что у него есть душа и совесть. Он закрывает фуражкой лицо, перекошенное от боли, после чего продолжает копать могилу для убитой Академиком Тони Царько. Я человек не злой. Я, может быть, не очень добрый. К героям своим я отношусь хорошо, даже к самым плохим. Я не люблю снимать про тех, кого я не люблю.

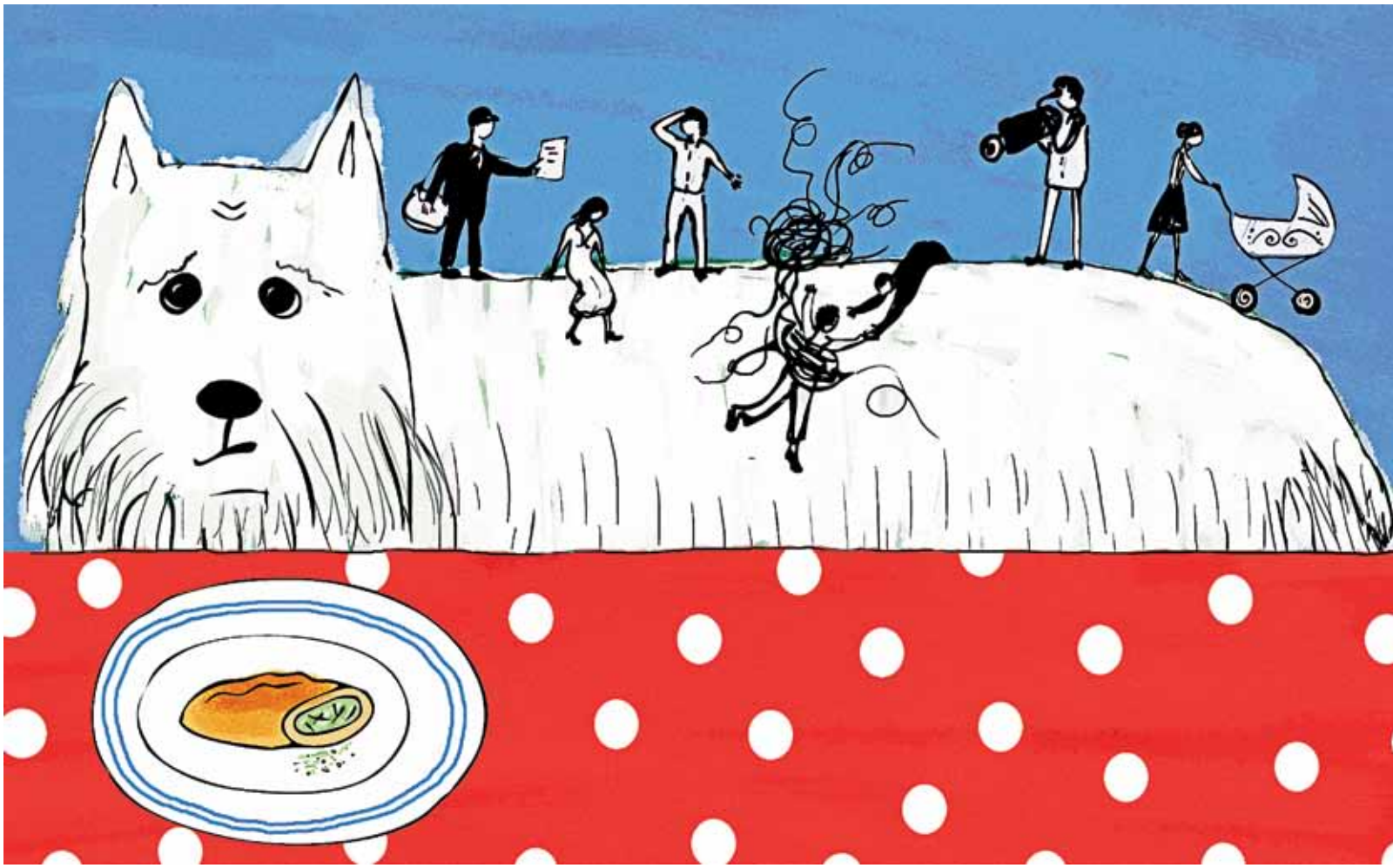
Когда работал над «Жизнью и судьбой», приходилось часто думать о совести на войне. Мне трудно сказать, какая совесть на войне и отличается ли она от совести в мирное время. Если бы я хоть одну войну прошел, хотя бы чеченскую, афганскую, я бы, наверно, мог говорить об этом всерьез. Я лишь снимал о совести на войне. Совесть мирного времени на войне чуть по-другому выглядит. Другая какая-то совесть. Совесть уступает место другим вещам. Там, где речь идет о жизни и смерти, о выживании, совесть в нашем интеллигентском, мирном понимании уходит на второй план. Очень многие вещи на войне перестают быть стыдными. Если у тебя обостренное чувство совести, справедливости, очень сложно руководить людьми, посылать их в атаку. Многие вещи, обиходные, естественные, на войне видоизменяются. И превращаются в некую другую вещь — в высшую справедливость, высшую совесть. Это чисто теоретическое построение человека, не бравшего в руки винтовку.

Я не знаю, надо ли быть совестливым человеком, чтобы снять «Жизнь и судьбу». Хотя я бы не проецировал личность художника, человека пишущего, играющего, снимающего, на его работы. Актер может быть дебилом и сыграть гениального благороднейшего человека. Можно быть разным человеком в жизни и написать великий роман, который даст понимание и путь миллионам людей. То же самое и в кино: режиссеры разные люди и режиссура — профессия, которая не располагает к тому, чтобы быть хорошим человеком.

Ты заглушаешь совесть, когда надо заставить сотни людей делать одно дело, и так делать, как это нужно тебе. Хотя иногда, конечно, оторопь берет. Когда я приезжаю на площадку и вижу, как там на огромном пространстве ковыряется человек шестьсот: одни что-то роют, другие что-то ставят, третьи тянут какие-то кабели, часть одевается, часть раздевается, часть мажут чем-то лицо, часть просто по команде опускаются в грязь и как морские котики начинают там плавать, пытаясь достоверно испачкать одежду. Ты понимаешь, что ты, конечно, черт знает чем занимаешься. Почему эти люди, оттого что им приснилось, что ты режиссер, начинают это делать? Хочется их остановить, напоить горячим чаем и отправить домой. Очень часто у меня возникает мечта: я еду на площадку, и в этот момент объявляют штормовое предупреждение, при котором никто не должен никуда ехать и ничего снимать. Это у меня каждодневная мечта. Я приезжаю, а что-то сломалось, но не так, чтобы насовсем, а так, чтобы сегодня домой поехать и не снимать. А все потому, что это какое-то нечеловеческое напряжение, ты должен своей энергией заразить хотя бы часть самого ближнего окружения, чтобы они это понесли дальше. Когда ты видишь эти бескрайние просторы России, на которых ты снимаешь никому не нужный роман-эпопею, очень тяжко. И вот тут просыпается совесть. Ты понимаешь, что ты должен, ты обещал, ты обязан. Это такая совесть, переходящая в долг, или, другими словами, профессиональная совесть. Она утрачивается у одних с годами, у других с деньгами, у третьих с обстоятельствами. Я не могу остановить съемку, сказать «снято», если на самом деле «не снято». Это еще одна грань совести, очень важная. В кино — определяющая результат. Я когда был студентом, мне один педагог сказал: «Результат может быть любым, может получиться или нет, ты должен делать так, чтобы тебе не в чем было себя упрекнуть». Я это запомнил. Я не могу сказать, что я так всегда делаю, но я стараюсь. Русские мастеровые ставили свой значок на вещах, сделанных ими, как знак своей профессиональной совести. Ну, вы понимаете…

Ответственность за результат — это одна грань профессиональной совести, но есть еще и другая, более личная. Вот, например, инженер Штрум из «Жизни и судьбы» остановил работу, пока ему не вернули его младших научных сотрудников. Я вот тоже людей не сдаю. И если кто-то мне скажет уволить ассистента, который мне на самом деле нужен, я не уволю. Но опять же, у меня есть возможность не сдавать своих людей. Я не знаю, как было бы, если бы мне сказали: либо ты его увольняешь, либо мы тебя увольняем. У меня не было такой ситуации. Я могу напридумывать, что я бы сказал: «Будьте вы прокляты, я ухожу». Это очень легко сказать. Я стараюсь не осуждать людей, которые что-то подписывают, кого-то поддерживают, где-то выступают. Потому что я хорошо понимаю, что очень легко не выступать и не поддерживать, пока тебе не предложили выступить и поддержать. А я себя несколько раз проверял и внутренне понимал, что я не выдерживаю, ломаюсь — легко, я бы сказал, на удивление легко. До смешного.

Я не имею отношения к Кремлю, к тем, с кем общается Колесников. Я туда не вхож, меня не знают. Не стремлюсь, как я считаю, не хотел бы… Раннее утро… «Ликвидация» вышла на экраны, ажиотаж, я первый парень на деревне. У меня отключен телефон, я смотрю — пятнадцать неотвеченных вызовов с одного и того же номера. Я этот номер набираю и слышу: «Здравствуйте! Вы позвонили в администрацию президента России. Пожалуйста, назовите себя и сообщите…». И я понимаю, что у меня было пятнадцать звонков из администрации президента и меня вызывают в Кремль. И я не завтракамши, что вообще невозможно, не выпимши кофе, не выкурив первую сигарету, иду в гардероб смотреть, в чем я пойду в Кремль. Кто-то звонит, я кричу в трубку: «Слушай, иди к чертовой матери, не занимай телефон, вдруг перезвонят из Кремля». Это абсолютно

чистый эксперимент. У меня еще не включены никакие рецепторы, я делаю это на чистом инстинкте. Раздается звонок, и я, с трудом выбирая тональность, в которой лучше ответить, говорю: «Алло, алло, алло…».

— Серег, слушай, это самое, я тебе че звонил…

Этот голос не может быть из администрации президента, это какой-то знакомый голос. Выясняется, что это артист, у него, гада, автоответчик с голосом президента. И он пятнадцать раз звонил непонятно зачем. А я уже приготовил костюм, носки, обувь. С чего я проявил такую расторопность, с какого перепугу я вдруг решил, что меня ждут в Кремле, и почему я с такой готовностью и радостью стал этого ждать? Потом проснулась совесть, и мне было стыдно. Но тест на это я уже не прошел. История повторилась, когда я снимал кино и в этот день мне было 50 лет. И звонки, звонки, звонки… прям на площадку. Это так раздражает, дико мешает. Звонят из Союза, с вахты:

— Сергей Владимирович, здрасте, это Мариванна из Союза кинематографистов. Тут на ваше имя от Медведева телеграмма пришла с поздравлением.

И я понимаю, что Армен Николаевич Медведев, бывший министр кинематографии, нынешний председатель гильдии продюсеров, поздравил меня с днем рождения.

— Спасибо большое! Оставьте на вахте, я заберу.

Потом звонит моя жена, говорит, что от Медведева телеграмма пришла.

— Я знаю уже, знаю я! Мешаешь! Съемки!

Тут опять звонок:

— Здрасте, это РИА Новости (и голос такой неприятный). Вот президент поздравил вас с юбилеем…

Я понимаю, что этот противный голос — это голос моего друга Миши Ширвиндта, который пытается меня разыграть.

— Как вы отнеслись к этому поздравлению?

Я что-то сказал невразумительное: президентов много — я один, одним словом, хрень какую-то сказал и понимаю, как я здорово отбрил Мишу. Повесил трубку, опять звонок от жены.

— Слушай, мне звонят по поводу президента.

— Какого еще президента? — еще больше раздражаюсь я.

— Ну телеграмма, я же тебе говорила, от Медведева. И мне все звонят и просят, чтобы ты прокомментировал.

И я начинаю понимать, что телеграмма пришла от президента Медведева и что звонили все-таки из РИА Новостей. И что я, по сути, послал президента России. И я начинаю судорожно искать последний вызов.

— Алле, это РИА Новости? Это Урсуляк Сергей. Вы мне сейчас не звонили случайно по поводу телеграммы?

— Звонили.

— А вы уже пустили мой ответ идиотский на ленту по поводу благодарности президенту?

— Нет еще. Вы знаете, вы так странно ответили, что мы тут решаем, как нам быть с вашим ответом.

— Вычеркните все, что я сказал до этого, и напишите: очень тронут вниманием ко мне…

Я вот такой весь из себя, казалось бы, независимый… Вот с чего вдруг? Вот тебе и совесть, вот тебе и мужество, вот тебе и независимость. Ломается на раз. Когда я вижу уважаемых людей, которые с подобострастием заглядывают в глаза своим начальникам, я удивляюсь им, но понимаю, что, поставь меня на их место, может, совесть была бы где-то в одном месте, а глазоньки поганые смотрели бы не туда, куда надо. *рп*

orlova

Лучше бы я туда не ехала

текст: софико шеварднадзе

Телеведущая Софико Шеварднадзе, вернувшись из командировки в воюющую Сирию, некоторое время не могла подступиться к колонке про свою встречу с президентом этой страны Башаром Асадом: просто не было сил. Потом она нашла их — кажется, только из уважения к читателям «РП». Колонка о том, что жалость есть неумолимый признак совести.

К ПОЛУНОЧИ надо было ехать в аэропорт. Мой мозг фиксировал странные детали. Почти все вызывало у меня необычное умиление или сожаление. По «Культуре» показывали вечер Райкина, где тот читал стихи Самойлова, и у меня с грустью промелькнуло: «Так он же гений! Почему я это раньше не понимала?!» Закрывая чемодан, я посмотрела на старое пианино, и мне вдруг стало искренне обидно, что уже четыре года я никак его не настрою. Ехала я в Сирию брать интервью у Башара Асада. Никто меня, естественно, не заставлял этого делать, и все члены семьи как раз отчаянно пытались меня отговорить от этой затеи. «Кем бы он ни был и что бы он тебе ни сказал, ни один человек не стоит того, чтобы рисковать жизнью, а тем более диктатор!» — изводились мои близкие. Решение было абсолютно самовольное и мне самой не очень понятное. Честно, было совестно идти на такой серьезный шаг, до конца не понимая, почему именно я это делаю. Ехала ли я туда из-за журналистского долга или за острыми ощущениями? Была ли это попытка доказать кому-то что-то, в том числе и самой себе? А зачем туда вообще ехать, если ты знаешь, что человек, к которому ты едешь, будет тебе впаривать свою унылую пропаганду? Стоит ли это все того?

— Нам лучше дождаться рассвета, буквально минут двадцать, и потом поедем! — это первое, что сказал нам Мазен, когда мы приземлились в аэропорте Дамаска. Нас было шестеро: я, Герман (редактор моей программы), Мазен (наш продюсер, но родом из Дамаска) и три оператора-звуковика. Нас встретили две машины из администрации президента. Когда мы двинулись в сторону Дамаска, Мазен спокойно сказал: «Мы сейчас едем по той опасной дороге, где ночью боевики часто стреляют и взрывают проезжие машины». Несмотря на это и на то, что мы не спали всю ночь, страх «непонятного» где-то утаился. Сумбурные переживания, которые я испытывала до отлета, тоже не беспокоили меня. «Ноябрьское солнце в Дамаске светит ярче, чем в Москве. Вот зеленые деревья. И машины едут себе, как в любом другом городе», — думала я про себя, опять же замечая детали, на которые обычно после бессонной ночи я точно не стала бы обращать внимание.

Гостиница «Шератон» в центре города напоминала комедию положений семидесятых: большие люстры в стиле ар-деко из массивного

золотистого металла, бежевый мрамор, старомодно одетые улыбчивые люди и пухлые добрые официанты в клетчатых рубашках. Было 9 утра, и у нас было два часа, чтобы отдохнуть до встречи с пресс-секретарем Башара Асада. Мой номер оказался громадным. Горничная с красивым, но сильно накрашенным лицом зашла следом за мной. Она провела указательным пальцем по столу, посмотрела на него, весело что-то сказала мне по-арабски и вышла из номера. Я аккуратно посмотрела по сторонам: как бы не разбудить зверя. Неужели ребята-операторы из военного пула были правы, когда смеялись надо мной? Я не пошла с ними есть пельмени в центре Дамаска и сказала, что никуда из номера не собираюсь выходить. Я приоткрыла окно. Город был забит машинами, во дворе стояла высокая пальма и был виден лазурный бассейн. Чувствовала я себя почти глупой за то, что насмотрелась и начиталась, видимо, слишком много ненужного. Я была готова развалиться на кровати, и тут прогремел взрыв. Первым рефлексом было побыстрее закрыть окно. Подбежав, я посмотрела на улицу — картинка не поменялась: пробки, пальма, бассейн. Вдруг последовал еще один взрыв. И еще один. Выскочила в холл, там люди ходят как ни в чем не бывало. Портье Уссиф любезно спрашивает: «May I help you, Miss?» Звоню Герману, тот тоже в легком недоумении. Наконец Мазен нам говорит, что не надо бояться. Бомбят пригороды Дамаска. Только Дамаск город маленький, и пригороды видны из окон нашего отеля. На наш вопрос, кого бомбят, он ответил: «Сирийская армия бомбит повстанцев в ответ на теракты». Пока он нам это рассказывал в гостиничном холле, звук снарядов не умолкал. Удивительное ощущение, когда впервые и с таким напором слышишь, как взрываются бомбы. Это не страх и не волнение. Ты чувствуешь, как организм сам по себе перестраивается на свой, особый режим и постепенно перестает подчиняться сигналам мозга. Тебя накрывает необъятная волна мобилизации, и все твои сенсоры заточены на пятьсот вольт, чтобы реагировать даже на моль в раздевалке. Я зашла в ванную, чтобы хоть как-то освежиться до встречи в администрации. Вдруг прогремел еще один взрыв, в этот раз вырубился свет и затряслись окна. Я спустилась вниз и нашла Германа, который разговаривал с официантом. «Мне все равно, будет Асад или нет. Главное, чтобы прекратилось это. Я работаю, просто хочу прокормить семью», — говорил тот очень спокойно, умеренно. По телевизору показывали, как в ста метрах от нашего отеля взорвалось здание. «Странно, что он так открыто про это размышляет. Пару лет назад было невозможно поговорить с людьми про власть. Видимо, уже нечего терять», — сказал Герман. В этот момент за нами приехала машина, и мы двинулись в администрацию Асада. Пресс-секретарь президента — энергичная, решительная девушка лет тридцати пяти. Бывшая звезда телеканала «Аль-Джазира», Луна считает, что радикальный ислам овладевает СМИ, в том числе и «Аль-Джазирой», поэтому она ушла оттуда и начала работать в администрации Асада. Комната Луны была маленькой, но уютной. Мы обменялись любезностями и сели за кофейный стол. «Теперь нам надо обсудить контракт», — сказала она строго и достала несколько экземпляров. Будь то другой день, мы бы возмутились. Но на фоне того, с чем мы столкнулись в день приезда, контракт казался забавной деталью в хорошем сюрреалистическом кино. Луна его придумала после интервью Асада каналу ABC, где ей показалось, что мысли Асада были сильно искажены. Из длинного контракта нас сильно взволновали два пункта. Первый: все материалы должны монтироваться в Сирии в присутствии Луны. Второй: все вопросы должны быть согласованы. После долгих переговоров мы выбили контракт на 26 минут интервью, которое ровно таким хронометражом и без монтажа прошло бы в нашем эфире. Через пару часов она нас отпустила. Мы вышли и, как после сложного зачета, вздохнули. Вернувшись в гостиницу, мы поняли, что целые сутки ничего не ели. Зашли в ресторан и заказали все, что было в меню. Через несколько минут прогремел еще один взрыв. Мы молча ели и смотрели, как дымится часть города на фоне заката. К нам подошел официант и любезно предложил рассчитать нас: «Простите меня ради Бога, но я живу в опасном районе. Мне нужно попасть домой, пока полностью не стемнело». Мазен сидел грустный: «Сложно смириться, что это происходит в моем городе». Он немного еще посидел и потом простился с нами до утра.
К ночи атаки с обеих сторон возросли, и были слышны бесперебойные разрывы снарядов. Я достала беруши и упорно пыталась заснуть. Это было бесполезно. Во время полной мобилизации организм готов тратить свои силы только на то, чтобы по движению воздуха понять, откуда может идти опасность. Невероятный прилив энергии, состояние абсолютной концентрации, но при этом полная недееспособность. Я посмотрела на свое ошалевшее лицо в зеркале и подумала: «Почему люди романтизируют войну? Одно дело Марта Геллхорн, у нее начинался сумасшедший роман с Хемингуэем, хотя странно, что люди в такие моменты вообще могут думать о сексе! Ну а как же все остальные, не влюбленные в Хемингуэя? Как они забывают о постоянной тревоге в животе?» В итоге я спустилась в бар выпить виски. Герман тоже спустился — составить мне компанию. Мы пытались обсудить вопросы к интервью, но ничего не получилось. Мы почти не говорили. Просто сидели, медленно пили наши 50 грамм и слушали, как звук взрывов перемешивается с разговором болтливых официантов и телевизором. Герман — человек крайне спокойный и живет по принципу «мягкое сильнее твердого». Он в какой-то момент посмотрел на меня и сказал: «С каждым новым взрывом умирает человек». В этот момент в холле появилась молодая невеста в длинном белом платье. За ней шел жених. Вслед за ними из банкетного зала вышли несколько веселых гостей. Она обернулась к нему и улыбнулась. Он взял ее за руку. Видно было, что они счастливы.
На второе утро все встретились на завтраке. Шведский стол был почти пустым. Там лежали пара яблок и груша. Одно яйцо всмятку. Куски хлеба, явно не утреннего и даже не вчерашнего, и инжирное варенье. В принципе, достойный завтрак. Но в одном из лучших отелей Дамаска, да еще и в стране, которая славится обилием еды, это производило удручающее впечатление. К нам подошел еще один улыбчивый официант. Они все без исключения были искренне милыми, с чувством собственного достоинства, и вообще очень были похожи на людей из прошлого. «Мисс! Завтра у нас уже будет нормальный завтрак, обещали свежие поставки!» Он как будто извинялся за жизненные обстоятельства, которые не выбирал. Пришел Мазен, и мы признались друг другу, что не спали ночью. «Я ночевал у родителей. Они живут прямо под той горой, где идут бои. Мне было так стыдно и страшно осознать, что это сирийцы убивают сирийцев», — сказал он и хлебнул кофе по-бедуински.

К этому моменту я решила, что глупо сидеть в отеле и думать, что там со мной ничего не произойдет. Я спросила Мазена, не пойдет ли он со мной в город. Он с удовольствием согласился. Дамаск — очень живой город с бурлящей жизнью снаружи и за каждой щелью. Я забыла про тревогу в животе. В старой части города вовсе приходит осознание, что это наша общая родина. Мы много гуляли по рынку. Я выбирала себе абайю. Пестрые цвета, специи и запах бергамота очень точно гармонировали с голосом муллы, призывавшего на молитву. Ровно в два улицы вдруг наводнились маленькими мальчиками в голубых рубашках. Это были ученики начальных классов. Они шумели. Смеялись. Бегали от учителей. Охотно общались со мной на своем языке и с удовольствием позировали. Все были глазастые, беспечные и безумно красивые. У Мазена зазвонил мобильный, и у него поменялся цвет лица. Ему звонил отец и сказал, что в соседнем районе, где живет его сестра с ребенком, произошел очередной взрыв. Выяснилось, что с ней все в порядке. В результате теракта умерли двенадцать учеников начальных классов.

Настал день интервью. День был очень солнечный. Мы приехали в недавно отреставрированный президентский дворец. Маленький, красивый, в самом центре города — был построен еще при Османской империи. С балкона второго этажа рукой можно было достать белье соседей на веревке. Луна суетливо ходила, давала всем наставления, напоминала нам о правилах игры. Огромное количество техников докручивали последние детали.

В ожидании Асада я сидела одна в маленькой комнате с желтым диваном.

«Наш президент очень хороший», — вдруг сказал мне мужчина из соседней комнаты.

«Да! — подхватил другой. — И еще он очень честный и скромный!»

Я кивнула головой и улыбнулась. Я была странно спокойна и старалась не растратить это. Смотрела в одну точку в пространстве и дышала глубоко и ровно. В этом состоянии я поняла, что спустя три дня эта поездка для меня перестала быть про интервью с Асадом. Отсюда и странное спокойствие, видимо. У меня было ощущение, что я была частью чего-то большего и интервью было лишь крохотной частицей всего этого.

Все зашевелились. Приехал Асад. Меня позвали к нему в кабинет за 15 минут до начала интервью. Ко мне навстречу пошел худой, очень высокий мужчина с согнутой спиной. Он любезно улыбнулся и пожал мне руку. Мы сели друг против друга, и он меня расспросил про себя, про мои впечатления о Дамаске.

— Господин президент, вам страшно?

— Нет, очень спокойно, — без пафоса ответил он.

— Почему вы не уходите?

— Вы понимаете, я никогда не хотел быть президентом. Само президентство для меня как не значило ничего, так и не значит. Я молодой еще. Люблю жизнь, жену, семью. Мог бы запросто уехать и жить в свое удовольствие. Но есть принципы и обязательства, от которых я не могу уйти.

И тут я поняла, что передо мной сидит человек, у которого как не было изначально выбора, так и сейчас нету. Грустно смотреть на человека, чья личная трагедия обернулась трагедией всего народа.

Само интервью прошло в бешеном ритме. Видимо, Асаду передалось мое состояние, и местами он отвечал быстрее, чем я спрашивала. Зверская мобилизация последних дней свое дело сделала. Мы записали ровно 26 минут и успели задать почти все вопросы. Сейчас уже, спустя две недели, я не помню, что он мне отвечал во время интервью. Но помимо нашего разговора до записи мне еще запомнился фрагмент нашей беседы в саду после интервью.

— Вы верите в Бога, господин президент?

— Я не верующий. Я верю в науку. Хотя считаю, что не обязательно быть верующим для того, чтобы быть высоконравственным человеком.

После того как Асад уехал, я вышла на балкон и, пока все собирались, смотрела на шумный город. Вдалеке раздавались теперь уже привычные взрывы. Меня осенило, что все, что со мной произошло в Дамаске, включая это интервью, было проверкой того, насколько я доверяю Богу.

На следующий день мы уезжали. Я суетливо собиралась, когда постучали в дверь и женщина с высоким голосом механически сказала: «Housekeeping!» Я открыла и увидела ту красивую горничную с сильно накрашенным лицом. «I am leaving today!» — пыталась я ей объяснить, и ее глаза с зелеными тенями заблестели от слез. Она мне опять сказала что-то по-арабски, а я почему-то ее перекрестила на прощание. Я спустилась в лобби сделать чекаут и очень хотела отблагодарить портье Уссифа, который мне помог в первый день.

«Вы знаете, его уже второй день как нет на работе! Мы не знаем, что с ним случилось», — получила я ответ от молодого консьержа.

Мы наконец-то ехали по той «опасной» дороге обратно в аэропорт, и я пыталась переосмыслить эти четыре дня. Было ощущение, что меня сперва загнали на край обрыва, но вместо того, чтобы упасть в пропасть, по инерции взрыва, я протолкнулась сквозь свой неотесанный, одномерный мир. И вдруг увидела сразу несколько измерений, о существовании которых я ранее не подозревала.

Война — это вообще история одного человека. Почему-то кажется, что, столкнись ты с ней, вопросы могут быть только к другим. Но на деле оказывается, что вопросы возникают скорее к себе, к своей совести, к прожитой жизни, к своим мечтам. Это твоя история, которая заставляет тебя видеть весь мир, а не его частицу во всей красе и со всем уродством. Ведь сосуществование жизни и смерти, которое так очевидно на войне, окружает нас везде, на каждом шагу. Просто мы часто предпочитаем этого не замечать.

В самолете перед нами села женщина с тремя детьми. Пока ее грудной ребенок спал, она поинтересовалась, что мы снимали. «О-о-о! Да вы Алеппо не видели! Дамаск — это рай по сравнению с Алеппо. Там день и ночь бомбят. Уничтожили все. Ничего не осталось. Я сама русская, муж сириец. Он заставил нас уехать, а сам остался. Боится, что отберут то, что осталось. Вот и караулит, а нас отправил в Краснодар».

Ее десятилетняя дочка смотрела на нас с любопытством.

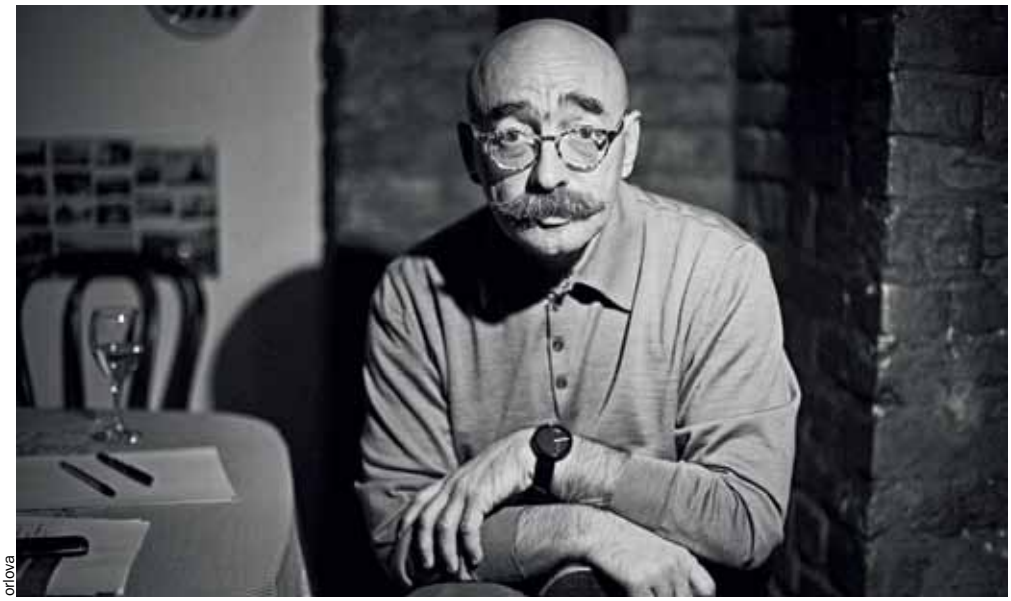
— Как тебя зовут?

— Ясмин, — ответила мне неимоверной красоты девочка с беспорочным лицом.

— А ты не боялась в Алеппо?

— А! Первый раз, когда был взрыв, я испугалась. Даже плакала. А потом привыкла, — весело ответила Ясмин и отломала мне кусочек своего расплавленного «Киндера».

Потом она улыбнулась, посмотрев мне прямо в лицо, и отвернулась. Я тоже повернулась к окну и закрыла глаза. Мне было до тряски жалко людей, которых я оставляла за собой. Хотя я понимала, что жалость в этом случае — неумолимый признак совести. Я наконец-то засыпала и думала: лучше бы я туда не ехала. рп

orlova

Ледяная пробка

текст: андрей бильжо рисунок: анна всесвятская

Художник и писатель Андрей Бильжо начал свою колонку про совесть за здравие, а закончил за упокой, причем, конечно, в прямом смысле слова. Читатель насладится признаками жизни, которая, кажется, уже ушла от нас, а также беспроигрышными характеристиками дизайнерских гробов.

НА СУББОТУ и воскресенье, как правило, я уезжаю за город. На дачу. Скорее, это даже не дача в обычном понимании, а так называемый загородный дом. В 15 километрах от Москвы. Назовем это место так, как его называет мой внук Егор, — «Веселый городок».

На субботу и воскресенье я привожу туда свою 89-летнюю маму, которая в Москве живет недалеко от меня. Одна. Своего уже упомянутого внука. Туда же приезжают, когда не заняты, мой сын с женой и с моим старшим внуком.

Собственно говоря, ради того, чтобы собирать всю семью за общим столом, я и купил этот загородный дом в «Веселом городке» в конце 90-х. Вот такая романтическая идея меня посетила. И эгоистическая одновременно — всех видеть сразу, но раз в неделю. Насмотреться, типа, на всех до такой степени, чтобы… через шесть дней захотелось всех увидеть вновь.

Не всегда обходится, конечно, как в нормальной семье, без разборок, — все-таки четыре поколения вместе под одной крышей, — но проходит время, и все, слава богу, снова собираются за одним столом.

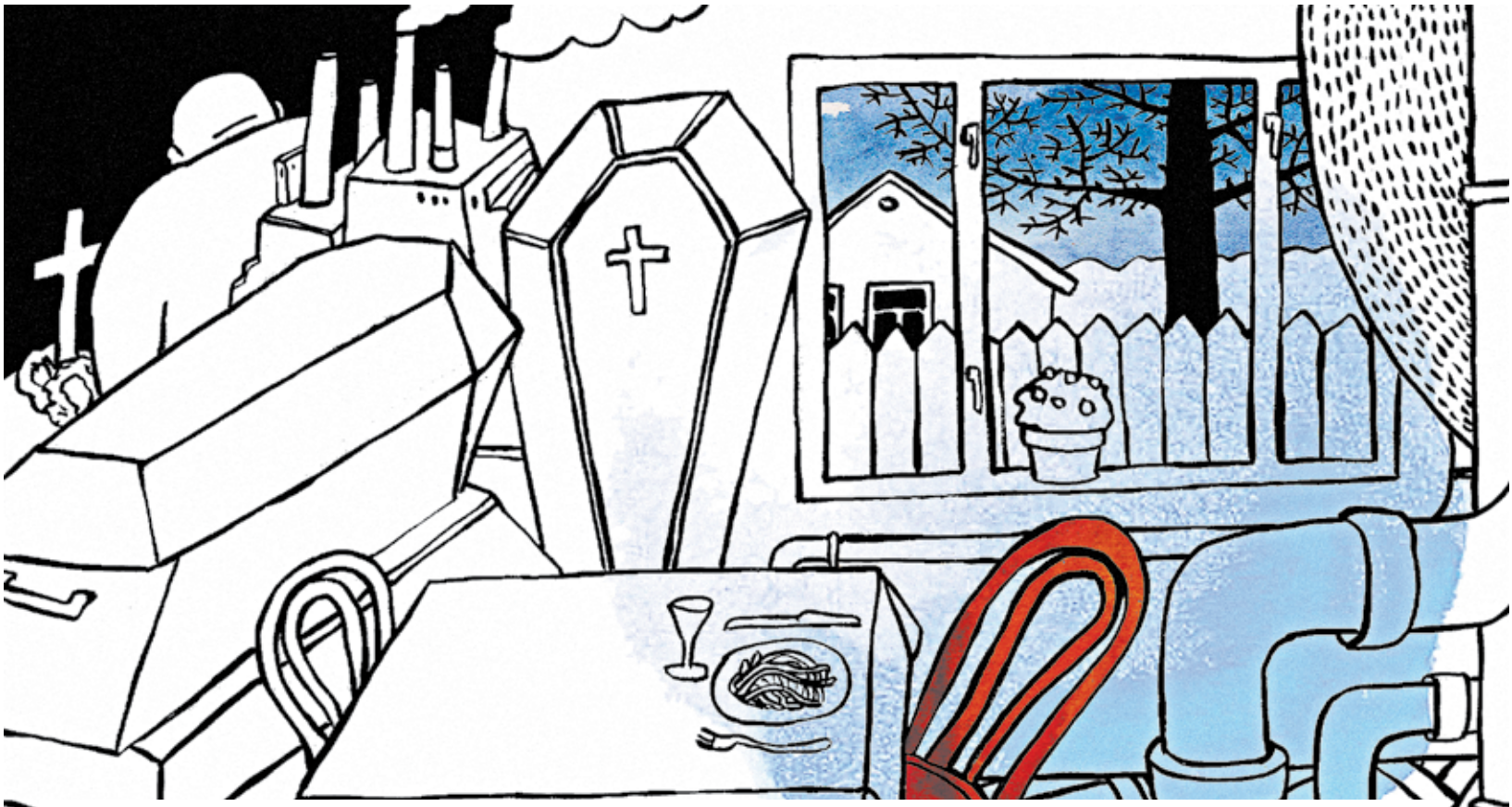
Этот загородный дом отбирает у меня кучу времени, довольно много денег и массу нервов, но желание всех видеть вновь все-таки покрывает все расходы. Увидеть и расстаться. Чтобы потом опять увидеть. Впрочем, это отдельная тема…

С «Веселым городком» мы как-то постепенно срослись. По субботам внук Егор ходит здесь в секцию борьбы. Забавно, что в этой секции все дети чуть-чуть «ботаники». Два толстяка; один застенчивый; один маленький и хилый, но вундеркинд; один косолапый и двое кавказской наружности. Родители отдали в эту секцию своих сыновей, чтобы сыновья смогли за себя постоять. Мотив лежит на поверхности. Это примета времени. У меня мотив был тот же. Собственно, я не об этом. Это тоже отдельная тема. Я о загородном доме.

Купил я его уже в готовом виде. У Кости Сапрыкина. Не хотелось влезать в строительство. Хотелось все сразу. Маме было под 80… Ну и т.д. Дом самого Кости Сапрыкина был рядом, раза в два больше моего. Этот, который стал моим, Костя построил на продажу.

Когда сделка состоялась, мы шли от банка, где произошла передача денег, вместе.

Костя Сапрыкин, отец двоих детей, которым он уделял много времени, мягкий, часто бывавший в Италии, правильный, вдруг нам с женой

говорит: «Андрей, а ничего, если мой товар пока полежит на первом этаже уже вашего дома? Я не успел его вывезти…» — «Ничего, — говорю я, — пусть товар полежит. Мы заезжать в дом сразу не собираемся. Потом я хочу там кое-что переделать…» И тут моя тихая жена тихо спрашивает: «Простите, Костя, а что это за товар у вас лежит в уже нашем доме? Очень любопытно…» — «Гробы… Это гробы, — просто так, не прекращая движения, отвечает Костя. — Между прочим, отличные гробы. Дизайнерские, комфортные, итальянские. Лучшие в нашей стране. Если что, вы имейте в виду. Своим я делаю большие скидки. Вот Ворошилова знаете? Ну… “Что? Где? Когда?”. — И дальше с гордостью: — В моем гробу хоронили!» И от Кости после этих слов повеяло каким-то ледяным холодом.

Это, между прочим, ни о чем не говорит: кто-то же должен продавать качественные, дизайнерские, комфортные итальянские гробы?

Правда, моя жена тут как-то побледнела и похолодела. Стала меня за локоть куда-то тянуть. Что-то на ухо шептать. А потом вдруг решительно попросила Костю «товар» поскорее все-таки из нашего дома убрать. Как-то ей не по себе стало. А хотелось, чтобы было как-то по себе. Костя ответил, что понимает, что есть люди суеверные, и все сделает. В смысле, уберет из нашего дома свои итальянские гробы.

Потом мы еще не раз общались с Костей по-соседски. Рядом с Костей всегда находился огромный человек со сломанным верхним правым резцом.

И это тоже совсем ни о чем не говорит. Тем более что и у меня, и у моего сына тоже сломан верхний правый резец. Мне его сломал Саша Чекалин, когда мне было 8 лет. Бутылкой из-под советского (другого не было) шампанского. Чекалин бутылкой размахивал перед тем, как бутылку сдать, а я улыбался, радуясь будущему мороженому, купленному на вырученные деньги. Моему сыну в том же возрасте, что и мне, врезали по зубам клюшкой. Он улыбался, радуясь забитой шайбе.

Как сломали зуб «большому», я не знаю.

Однажды стоим мы втроем: я, Сапрыкин и «большой». Я и говорю: надо бы территорию вокруг благоустроить. Сапрыкин меня в этом очень поддерживал. Он же часто бывал в благоустроенной Италии по гробовому бизнесу. Я говорю им, что есть плохие люди, которые выбрасывают пакеты с мусором из машины. А «большой» улыбается, показывая гордо свой сломанный зуб, и говорит: «А ты номера машин запоминай. Мы этих людей потом в асфальт закатаем…» Сказал и засмеялся каким-то ледяным смехом. Я было тоже засмеялся. Но очень коротко. Я быстро понял, что «большой» сказал это серьезно.

Костю Сапрыкина убили в его офисе на одном из его подмосковных строительных рынков. Расстреляли в упор. Днем. В обеденный перерыв.

Хоронили Костю в его гробу. Дизайнерском, удобном, итальянском.

Потом мне сказали, что, оказывается, у Кости Сапрыкина был еще свой морг, макаронная фабрика и маленький водочный заводик. В общем, все необходимое. И что он и все его друзья — борцы. Впрочем, и это ни о чем не говорит. Может быть, в детстве он был «ботаник».

Дом Сапрыкина вскоре опустел. Прекратились послебанные фейерверки. Какое-то время еще появлялась его жена с «большим» на джипе.

А потом и они исчезли. Теперь бегают по участку только две огромные собаки и живет смотритель в маленькой пристройке.

Вспомнил я все это потому, что давно в моем доме не собиралась вся моя семья за обеденным столом. Четыре ее поколения. А не собиралась она по причине образовавшейся после Нового года ледяной пробки в трубе и отсутствия, как следствие, в доме воды.

А тут ледяная пробка растаяла, и вся семья в эти выходные опять собралась за столом.

И дом ожил.

А в пустом доме Кости Сапрыкина, на который я часто смотрю в окно, ледяная пробка, похоже, уже навсегда.

Может быть, кто-нибудь когда-нибудь напишет трактат «История новой России в ее загородных домах».

Будьте здоровы и держите себя в руках. И пусть у вас никогда не будет ледяных пробок. *рп*

orlova

Рычи, Кабул!

текст: екатерина истомина рисунок: анна каулина

В колонке обозревателя «Ъ» Екатерины Истоминой идиллические, эко-образцовые ландшафты Новой Зеландии, до мельчайшей сотки знакомые каждому обитателю Земли по эпосу «Властелин колец», снова становятся ареной для битвы культур, цивилизаций — и, разумеется, благодаря российским сауронам. Открытые джипы, сконфуженные хоббиты, и если ставить оценку колонке — твердые 18+.

НЕ ИЗВЕСТНЫЕ очень широкой общественности олигархи А, В и С (А и В сидели на трубе) находились в пределах Южного острова Новой Зеландии уже с неделю. За это время А, В и С довелось увидеть довольно многое: зеленые норы хоббитов, светлейшие долины эльфов, скалозубые убежища орков и прочие любопытные игрушки из популярного туристического пакета класса luxury. А, В и С (о приключениях троицы автору стало известно от попутчика на рейсе Окленд—Куинстаун; собеседник не знал, что его собеседница — из России) появлялись на охоте. А, В и С брали на жесткий прицел полевых мышей, крутых козлов и тупых черепах, согласно заведомо полученной охотничьей лицензии. А, В и С неоднократно бросались с головой в омут люксовой рыбалки: на них клевали краб и щука, форель и лосось, а также модные в прошлом сезоне крапчатые жабы. А, В и С посещали также элитные вулканы и национальные заповедники: они дышали озоном свежих папоротников, перелесьем древних хвощей и желчью знаменитой тасманской лианы.

— С русскими вообще здесь нам сложно. Богатые русские люди живут в прекрасных лоджах, очень дорого пьют, много путешествуют на самолетах и вертолетах, но потом что-то с ними внезапно случается. Мой друг из Сиднея, бывавший в китайском Харбине, говорил, что с русскими происходит тоска. Скука. Недовольство жизнью, — делился сокровенными наблюдениями попутчик. — Ведь у вас же у Германии такого нет? Как там у вас говорят — Ordnung uber alles?

— Русские и правда диковинный народ. Впрочем, у нас, в Германии, русских очень любят. Что-то нас, немцев, и их притягивает, связывает. Какие-то особенные отношения. Впрочем, в Европе русские не тоскуют. Вот в Латинской Америке — да. Вешаются!

— Один русский шесть суток удил здесь рыбу. И всю привозил в отель, сваливал на reception. Строго велел всю рыбу жарить и кормить весь персонал! Но у нас пойманную рыбу обязательно выпускают обратно в озеро. Ведь рыбалка для нас — это не добыча еды, это чистый спорт! — стонал мой собеседник.

— Русские бессознательно кровожадны и всегда щедры, как маленькие дети. Русские люди безразмерно плаксивы, — говорила я.